

Ю.В. Свешникова, А. Нури

Тактический союз Ирана и России на новом Ближнем Востоке: Природа и необходимость

Аннотация. В статье исследуются механизмы взаимодействия Ирана и России на Ближнем Востоке в период президентства Х. Рухани и В. Путина. Применяется метод системного анализа и функционально-структурный подход в рамках неореалистической парадигмы. Авторы приходят к выводу, что, хотя в региональном и международном контекстах между Тегераном и Москвой имеются противоречия, обе стороны разделяют реалистичный взгляд на эти отношения. Тем не менее имеются предпосылки для повышения уровня двустороннего взаимодействия.

Abstract. This article focuses on the interaction mechanisms between Rouhani's Iran and Putin's Russia in the Middle East. The authors resort to systemic analysis as well as to a structural-functional approach and adhere to neorealism. The authors conclude that the positions of both Russia and Iran on their bilateral relations are realistic although there are controversies between them on regional and global scale. Nevertheless, there exist prerequisites for their bilateral relations to be strengthened.

Ключевые слова: Иран, Россия, Ближний Восток, системный анализ, неореализм.

Keywords: Iran, Russia, the Middle East, systemic analysis, neorealism.

Введение

Отношения между Ираном и Россией в постсоветский период развивались неоднозначно: одновременно наблюдались стремление наладить крепкие связи и сомнения в осуществимости этих планов, доверие и недоверие, оптимистичные и пессимистичные оценки, а пределы и будущее этих отношений являлись предметом дискуссии в обеих странах. Различные внешние факторы предопределяли развитие этих отношений, приводя то к их укреплению, то, напротив, к ухудшению. Наибольшее влияние среди них оказывали факторы, связанные с состоянием международной среды, а более всего – «переменная Запада». В большинстве областей влияние Запада было негативным, хотя в некоторых случаях, например, с ростом напряженности в отношениях России и Запада после включения Крыма в состав России и начала украинского конфликта в 2014 г., произошло сближение Ирана и России. Среди других причин, лежащих в основе этого сближения, фигурируют также и неудовлетворенность Ирана реализацией Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы, и обострение ситуации в регионе Ближнего Востока.

В результате углубления противоречий между Россией и западными державами на фоне украинского кризиса геополитическое видение Москвы было скорректировано, а позиции сторонников расширения влияния РФ не только на постсоветском пространстве, но и на Ближнем Востоке укрепились. В ходе кризиса, во-первых, утвердилась парадигма противостояния между Россией и Западом, а во-вторых, попытки России укрепить союзнические отношения со странами, разделяющими антизападную позицию, стали важной частью ее внешней политики. При этом, хотя страны, входящие в группу международных переговорщиков по иранской ядерной программе, наконец пришли к соглашению, неопределенные перспективы реализации СВПД, особенно в части снятия международных санкций, послужили причиной недоверия Тегерана к Западу и большей склонности укрепить отношения с Москвой как равноудаленным звеном в этой схеме.

Другим фактором сближения стало обострение ситуации на Ближнем Востоке и не в последнюю очередь – обеспокоенность ходом сирийского конфликта, где «агрессивная» политика Запада, в частности США и их региональных союзников, воспринималась Москвой и Тегераном как противоречащая интересам их безопасности. В данном случае в России Иран рассматривался как полезный союзник, для которого противостояние внешнему вмешательству в дела Ближнего Востока является одним из основных принципов внешней политики. То, что Иран с его собственными каналами влияния в регионе мог бы помочь России в укреплении ее позиций на Ближнем Востоке, привлекало внимание Москвы.

В то же время для Тегерана преимуществом в данных отношениях являлось международное влияние Москвы (в частности, право вето России в Совете Безопасности ООН), а российский политический, экономический и военный потенциал делали это сотрудничество весьма привлекательным в глазах Ирана, нацеленного на реализацию собственных внешнеполитических задач.

Таким образом, стороны оказались в двойственной ситуации: с одной стороны, они координировали действия в ответ на возникающие угрозы, а с другой – использовали представляющиеся возможности для реализации своих целей не только в оборонительном смысле, но и в наступательном – для консолидации сил на меняющемся Ближнем Востоке и использования своего влияния в переговорах с Западом. Поэтому попытки укрепить двусторонние отношения в период президентства Хасана Рухани и Владимира Путина рассматриваются как следствие изменения международной среды, в особенности в регионе Ближнего Востока.

При этом, если самому стремлению наладить более глубокое взаимодействие можно дать позитивную оценку, следует отметить, что подверженность российско-иранских отношений влиянию международных и региональных факторов, которые сами по себе динамичны, является слабым местом в этом процессе. Именно эта зависимость от внешних условий являлась одним из факторов, препятствовавших формированию определенных рамок для устойчивого двустороннего взаимодействия. Например, несмотря на многократные заявления лидеров и представителей политических

элит двух стран, перспективное направление сотрудничества – экономическое – оказалось недостаточно развитым из-за повышенного влияния политических, геополитических факторов и вопросов безопасности. Таким образом, развитие связей в военно-политической сфере, преобладание в повестке дня вопросов безопасности ослабляли способность государств налаживать сотрудничество в других областях, в частности – в экономической и социально-культурной, создавая дисбаланс в двусторонних отношениях.

Отсутствие модели взаимодействия

В постсоветский период одной из причин того, что потенциал российско-иранских отношений не был полностью реализован, служило отсутствие «шаблона», т.е. такого подхода к взаимодействию, при котором в определенных институциональных рамках поведение сторон было бы в большей степени предсказуемо и направлено на эффективное использование имеющихся друг у друга ресурсов. Несмотря на сотрудничество по сирийскому вопросу, в процессе которого Ирану и России удалось наладить постоянную координацию действий в противостоянии взаимным угрозам, в немалой степени возникшим как следствие политики западных держав и их региональных союзников, по другим вопросам на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в регионе Каспийского моря и на Южном Кавказе не сложилось упорядоченного механизма, несмотря на заявления официальных лиц и очевидные выгоды от более тесной координации.

Одним из препятствий к установлению четких рамок взаимодействия служит отсутствие единогласия правящих элит двух стран по поводу природы и степени важности этих отношений. Иранские консерваторы (фундаменталисты) склоняются к развитию более тесных отношений с Россией в противовес Западу, в то время как прагматики предпочитают балансировать между двумя полюсами, не сближаясь ни с одним из них. В России также в разные годы придерживались различных взглядов на отношения с Ираном. Например, в период президентства Дмитрия Медведева и преобладания дискурса о «перезагрузке» российско-американских отношений Россия естественным образом отделилась от Ирана.

Предсказать перспективы установления соответствующих рамок взаимодействия при наличии множества переменных, региональных и международных, довольно трудно. Но если стороны действительно настроены на реализацию потенциала двусторонних взаимоотношений и стремятся дать адекватный ответ общим угрозам, то должны быть предприняты конкретные шаги для установления этих рамок. В то же время следует помнить, что если отношения находятся под сильным влиянием внешних факторов, то с изменением ситуации, в частности на Ближнем Востоке, взгляды сторон на сотрудничество и его формы также могут измениться.

Попытки определить модус этих отношений предпринимались не раз [Чера ба амрика., 2016], поскольку понимание их характера представлялось необходимым для извлечения взаимных выгод в различных областях. Разнонаправленные интересы двух стран в уже существующих региональных механизмах взаимодействия, например в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), только подтверждают необходимость определения рамок непосредственно российско-иранского сотрудничества. На наш взгляд, при заранее определенном характере этих рамок даже отношения внутри треугольника Иран–Россия–Запад и в конечном итоге поддержка Россией антииранских санкций могли оказаться иными. А неожиданный отказ Москвы, настаивающей на следовании резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г., поставить в соответствии с договором зенитно-ракетный комплекс (ЗРК) С-300 повредил как Ирану, так и самой России [Муртазаева, 2014, с. 135].

Однако в отсутствие установленных рамок непредсказуемая политика обеих сторон не должна вызывать удивление. Установление же соответствующего паттерна могло бы привести к укреплению взаимного доверия российских и иранских элит и продемонстрировать готовность предпринимать конкретные шаги. Успешное сотрудничество по сирийскому вопросу способствовало формированию такого согласия, однако его фокус по-прежнему был больше направлен на сотрудничество в области безопасности и противостояние общим угрозам, что, скорее всего, говорит о временной природе этого консенсуса. Поэтому отношения двух стран

на их современном этапе определяются иранскими авторами в терминах «стратегического прагматизма» [Амальгераи-йе рахборди., 2016, с. 135], и появление такого определения в данном контексте само по себе говорит о нестабильности и временном характере относительно устойчивых периодов в этих отношениях.

Несмотря на неизбежное влияние различных региональных и международных факторов, а также разногласий между Тегераном и Москвой в разных областях, существует возможность выстроить сбалансированные отношения, преодолеть зависимость двусторонних отношений от негативных внешних колебаний, а также улучшить их за счет установления более четких рамок.

Влияние «переменной Запада»

Опыт многолетних наблюдений говорит о подверженности российско-иранских отношений воздействию переменных четырех уровней – личностного (политические элиты, ответственные за принятие решений), двустороннего, регионального и международного, – и о различном влиянии этих переменных на двусторонние отношения в зависимости от периода и среды. В данном контексте очевидно, что как в советский, так и в постсоветский период стороны рассматривали взаимные отношения как производную от своих отношений с Западом. Взлеты и падения в российско-американских отношениях, начиная с периода президентства Бориса Ельцина до текущего срока Владимира Путина, равно как изменения в отношении Ирана к Западу в период правления Хасана Рухани по сравнению с президентством Махмуда Ахмадинежада, неизменно становились поводом для колебаний среди элит обеих сторон в российско-иранских отношениях.

По этой причине в Иране одновременно с обсуждением восстановления и расширения отношений с Западом (например, после согласования СВПД) проявилась тенденция к ослаблению отношений с Россией [Рухани., 2016]. Аналогично и при обсуждении сближения России с США отмечалось негативное влияние этих процессов на российско-иранское взаимодействие [Дельджуи-йе рухани., 2014], как, например, случилось при одобрении Россией

резолюции 1929 СБ ООН в период «перезагрузки» российско-американских отношений.

Однако динамика взаимодействий и конкуренция на Ближнем Востоке оказывали постоянное влияние на динамику внутри «треугольника» Иран–Россия–Запад. Москва заявляла о намерениях расширять отношения с Тегераном в попытке, с одной стороны, ограничить нормализацию отношений Ирана с Западом, а с другой – использовать преимущества союзничества с региональной державой для укрепления своих ближневосточных позиций. Тегеран же в условиях давления со стороны Запада и региональных союзников США, преследуя свои цели, в особенности в Сирии, поддерживал вступление РФ в конфликт в качестве балансирующей силы [Русие бе донбале., 2015], а также заявлял о своих намерениях развивать отношения с Россией в различных областях.

Данный тренд укрепился после того, как стало понятно, что реализация СВПД связана с многочисленными проблемами, а в период президентства Дональда Трампа будущее соглашения станет еще более непредсказуемым, что, в свою очередь, заставило Тегеран обратить внимание на доступные способы сбалансировать внешнее давление, например, за счет укрепления отношений с Москвой. Таким образом, существование упомянутого «треугольника» в отношениях между Ираном, Россией и Западом в очередной раз подтвердилось: изменение отношений между двумя сторонами неизбежно порождало определенные последствия для третьей стороны, которые, однако, необязательно были пропорциональны масштабам произошедших изменений в двусторонних отношениях других участников «треугольника». При большем геополитическом весе России и периодическом стремлении российских элит наладить отношения с Западом Иран оказывался в наиболее слабой позиции, хотя взаимодействие каждой из сторон с Ираном в той или иной степени влияло на их позиции в регионе. Запад же, осознавая, что укрепление российско-иранских отношений служит причиной ослабления его позиций в региональных делах, старался предпринять усилия к ослаблению связей между Москвой и Тегераном. Высказывались даже мнения о том, что Россию можно использовать в качестве инструмента против усиления регионально-

го влияния Ирана [Solomon, 2017]. Президент РФ В. Путин, в свою очередь, заявил, что Запад пытается ввести мир в заблуждение относительно ядерной угрозы со стороны Ирана [Христова, 2015]. Тем не менее присоединение Кремля к антииранским санкциям, в особенности одобрение Россией резолюции СБ ООН 1929, послужило частичным доказательством успешной реализации стратегии Запада.

При этом в России существует мнение, что основная причина давления на Иран со стороны Запада – независимая внешняя политика Тегерана и его противодействие распространению западного влияния в регионе. Нынешнее развитие событий указывает на очередную корректировку отношения Москвы к Тегерану. В этом контексте бывший министр иностранных дел Игорь Иванов отметил, что Иран – страна с большим будущим и отношения с ним нельзя выстраивать на основании политической конъюнктуры. Москве следует не только сохранить существующий уровень отношений, но и с учетом своих интересов повысить уровень двустороннего взаимодействия [Иванов, 2014].

Ограниченное взаимодействие на меняющемся Ближнем Востоке: Ориентация на угрозы безопасности

Как уже отмечалось, отсутствие подхода, основанного на объективной информации и анализе преимуществ взаимодействия, политизация, влияние внешних переменных и преобладание взаимодействия преимущественно по вопросам безопасности относятся к числу основных причин нестабильности в российско-иранских отношениях, притом что у государств существует единство взглядов и интересов на различных уровнях – двустороннем, региональном и международном. Основная оценка этих интересов должна проводиться в общем контексте изменений на Ближнем Востоке и адаптации государств к этим изменениям. Так, в Тегеране и в Москве полагают, что США путем опосредованного вмешательства в дела «Большого Ближнего Востока» [Тарх-е хавар., 2015] стремятся к тому, чтобы оказывать все большее влияние на региональные события, и одновременно к тому, чтобы минимизировать

влияние собственно региональных акторов и соседних государств, таких как Россия и Иран.

И Москва, и Тегеран полагают, что в настоящее время международная система находится в процессе перехода к многополярному миру, а Ближний Восток – в стадии перехода к новой региональной системе распределения сил. При этом стороны сознают ограниченность собственных ресурсов в противостоянии вмешательству внешних акторов, а также существующим угрозам. В таком случае более тесное взаимодействие может послужить более эффективному обеспечению интересов двух стран на региональном и международном уровнях. Среди задач, для выполнения которых Тегерану и Москве следует наладить более тесное взаимодействие, нужно назвать следующие:

1) ограничение вмешательства внешних акторов и их военного присутствия в регионе, в том числе – расширения НАТО на Восток и размещения систем противоракетной обороны;

2) противодействие дестабилизирующей политике Запада и его региональных союзников;

3) предотвращение угроз дестабилизации в регионах, представляющих общий интерес (Южный Кавказ, Центральная Азия, Каспий);

4) предотвращение распространения региональных угроз и нестабильности (например, из Афганистана);

5) противодействие асимметричным угрозам (например, экстремизму и терроризму) [Нури, 2016, с. 41].

И хотя для описания российско-иранских отношений трудно применить какой-то определенный шаблон, обе страны всегда старались использовать сильные стороны друг друга для решения вышеуказанных задач. Тем более что и в Тегеране, и в Москве осознают необходимость более тесного взаимодействия (что проявилось в координации действий в сирийском конфликте) на фоне того, что другие акторы проводят региональную политику в собственных интересах. Однако в отсутствие четкой институционализированной схемы двустороннего взаимодействия сотрудничество России и Ирана оказывается основанным прежде всего на противодействии возникающим угрозам, а не на осознании общей пер-

спективы в международной системе. Такое спорадическое взаимодействие означает, что Тегеран и Москва не возражают против решения своих проблем по другим каналам, в том числе посредством переговоров с Западом. Так что сотрудничество в большей степени существует в режиме *ad hoc* и является более устойчивым при наличии постоянных угроз. Примером тому служит тесное сотрудничество в военной области по сирийскому кризису и краткосрочное использование Россией военной базы в Хамадане. При этом ограниченное военное сотрудничество не дает повода называть отношения «стратегическим альянсом» [Лукиянов, 2016].

Таким образом, учитывая наличие отмеченных угроз, а также угрозы военного вмешательства нерегиональных акторов в дела Ближнего Востока, существует возможность перехода отношений Москвы и Тегерана на новый уровень, что требует пристального рассмотрения преимуществ двустороннего сотрудничества, а также проведения SWOT-анализа с опорой на взаимный обмен мнениями.

Сферы совпадения интересов

Противодействие вмешательству нерегиональных акторов в дела регионов, представляющих взаимный интерес (международный уровень)

Противоречия обоих государств с Западом, которые не будут разрешены в среднесрочной перспективе, частично проистекают из того, что для обеих стран, старающихся проводить независимую политику на международном уровне, неприемлемы попытки внешних акторов вмешиваться в дела регионов, входящих в сферу их интересов.

Тегеран полагает, что после установления действующего режима, т.е. после революции 1979 г., Запад, используя различную тактику, стремится вернуть Иран в стан «понятных» союзников и сделать его своим сателлитом на Ближнем Востоке. Для этого Запад задействует темы защиты прав человека и необходимости продвижения демократии в Иране, противодействия иранской ядерной и ракетной программ, а также поддержки террористических групп в регионе.

Противоречия России с Западом особенно обострились в связи с событиями на Украине, присоединением Крыма к России и участием Москвы в сирийском конфликте. И хотя предпринимались определенные попытки наладить отношения, стремление США увеличить свое влияние в регионах, традиционно входящих в сферу российских интересов, свели все усилия на нет. В настоящий момент в Кремле, похоже, придерживаются мнения, что наилучший способ взаимодействия с США – противодействие их влиянию. Таким образом, экспансионистская политика внешних акторов в СНГ и на Ближнем Востоке объединяет Иран и Россию, стремящихся противостоять неблагоприятному для себя развитию событий.

Обеспечение региональной безопасности (региональный уровень)

Обеспечение стабильности и безопасности в соседних регионах – в интересах и Ирана, и России, поэтому предметом двустороннего сотрудничества являются противодействие угрозам, исходящим из Афганистана, из стран Ближнего Востока, с Южного Кавказа, распространению терроризма, стремлению соседних стран установить системы ПРО вблизи границ с Ираном или Россией, а в Европе – также противодействие расширению НАТО на восток. Президент России В. Путин отмечал желание Москвы укреплять отношения с Тегераном на региональном уровне, в особенности в области обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Каспии, на Ближнем Востоке, выражая также поддержку вступлению Ирана в ШОС [Путин, 2016].

Относительно успешное взаимодействие государств в Сирии выявило преимущества координации в вопросах, представляющих взаимный интерес. Географическая близость Ирана к южным границам России также играет объединяющую роль, особенно в условиях, когда развитие стратегии «управляемого хаоса» не только имеет негативные долгосрочные геополитические и геоэкономические последствия для Тегерана и Москвы, но и может ограничить свободу маневра двух государств в регионе за счет усиления позиций недружественных акторов. Поэтому совместное противодейст-

вие внешним акторам, нагнетающим напряженность в регионе, где и без того уже накопился целый ряд требующих решения непростых проблем, позволяет обеим странам действовать более эффективно и с наименьшими затратами.

Прагматический подход к внешнеполитическому сотрудничеству (уровень двусторонних отношений)

Одним из общих элементов современной внешней политики Ирана и России является прагматический подход, описывающий внешнеполитическое взаимодействие не в идеалистических красках либерализма, но и не в негативном ключе реализма. И хотя странам с трудом дается взаимодействие в рамках многосторонних институтов, сотрудничество по сирийскому вопросу доказало, что, когда обе страны преследуют цели по сокращению издержек и реализации собственных интересов, Иран и Россия способны к эффективному взаимодействию. Прагматический подход к политике в регионе Ближнего Востока позволяет России поддерживать баланс, обеспечивая тем самым свои интересы и сохраняя свободу маневра [Косач, Мелкумян, 2016, с. 2].

Препятствия и сферы конкуренции

Негативный эффект «переменной Запада» и другие международные факторы (международный уровень)

Хотя политика западных стран временами играла позитивную роль в сближении Ирана и России, чаще она оказывала негативное влияние на развитие двусторонних отношений. Разное восприятие «коллективного Запада» и различные уровни взаимодействия с западными государствами были причиной дисбаланса, особенно когда возникала необходимость во взаимодействии Ирана, России и третьей стороны, представляющей Запад: таким образом, как уже было сказано, образовывался «неравносторонний треугольник». В то время как антиамериканизм является одной из основ внешней и даже внутренней политики Ирана, безапелляционно заявляющего о невозможности компромисса с империалистическим Западом, в частности с США, Москва, в отличие от Тегерана, достаточно

гибко подходит к выстраиванию своих отношений с Западом, в рамках которых одновременно возможны и сотрудничество, и соперничество. Например, при урегулировании сирийского кризиса Иран рассматривает Запад и его региональных союзников как часть проблемы, препятствие к достижению результата, а Россия заявила о своей готовности к сотрудничеству с западными государствами по сирийскому вопросу.

Тегеран, наблюдая за ростом напряженности в отношениях между Россией и Западом, не желает вмешиваться в спор между конфликтующими сторонами. В то же время проявлявшаяся в прошлом осторожность Кремля по поводу членства Ирана в международных организациях, например в ШОС, является свидетельством нежелания России «импортировать» противоречия Тегерана с Западом в эти международные структуры.

Таким образом, «переменная Запада» служит причиной проявления осторожности с обеих сторон. Иранское понимание устройства международной системы отличается от российского: Тегеран отвергает порядок, при котором одна супердержава с опорой на несколько крупных держав принимает решения по основным глобальным вопросам, в то время как Москва, скорее, соглашается с тем, что серьезные вопросы, например, касающиеся режима нераспространения оружия массового уничтожения или региональных конфликтов, должны решаться мировыми державами, например Россией и США.

Различия в подходах к региональной политике (региональный уровень)

Несмотря на некоторую общность взглядов Ирана и России на региональные угрозы и на возможности удовлетворения своих интересов в регионе, а также несмотря на заявления политических лидеров обеих стран о необходимости сотрудничества по целому ряду региональных вопросов, нельзя сказать, что страны действуют согласованно. Примером может служить осторожный подход Москвы к вопросу о членстве Ирана в ШОС. И даже растущая нестабильность на Ближнем Востоке, опасения по поводу возможного проникновения афганского ИГИЛ в Центральную Азию не стали

поводом для закрепления определенного паттерна взаимодействия между Москвой и Тегераном. Этому есть две основные причины.

Первая причина – в самой природе российского регионализма, проявляющегося в политике РФ в отношении стран СНГ и направленного на сохранение российского влияния в регионе. Москва старается реализовывать свои интересы на основе как многосторонних механизмов, так и посредством двустороннего взаимодействия с каждой из стран региона в отдельности и избегает смещения отношений с одной страной с взаимодействием с другой.

Вторая причина – прагматический подход РФ к взаимодействию с Израилем, что также оказывает большое влияние на отношения России с Ираном [Аветисян, 2015, с. 117]. Такой подход дает Москве большую свободу маневра во взаимодействии с другими игроками – самим Израилем, Турцией, Египтом, Иорданией и Саудовской Аравией – и большее пространство для торга с Западом, но вызывает недовольство Ирана, поскольку упрочение отношений между Россией и союзниками США, в особенности Королевством Саудовская Аравия (КСА) и Израилем, неизбежно оказывает отрицательное влияние на отношения между Тегераном и Москвой и на возможности самого Ирана по обеспечению своих интересов [Noori, 2016].

Реалистический подход к внешнеполитическому сотрудничеству (уровень двусторонних отношений)

Наряду с прагматизмом в эклектичном дискурсе, господствующем во внешней политике Ирана и России, присутствует реалистический подход, который оказывает большое влияние на формирование коалиций с другими странами. Тегеран и Москва, в особенности когда дело касается серьезных геополитических вопросов и вопросов безопасности и сохранения суверенитета, с недоверием относятся к основным трендам построения современной международной системы и к возможности формирования в ней долгосрочных союзов. При таком подходе государства оказываются в состоянии постоянной конкуренции с другими игроками и, делая акцент на собственных интересах, уделяют крайне ограниченное внимание интересам своих партнеров. Несмотря на участие Моск-

вы в региональных институтах, таких как СНГ и ШОС, подход к региональным делам в РФ формируется в духе классического реализма [Wieclawski, 2011].

Несмотря на то что у Москвы и Тегерана имеются достаточные основания для сотрудничества, в том числе общие угрозы в регионах Центральной Азии, Каспийского моря, Южного Кавказа и Ближнего Востока, они не смогли создать определенный паттерн для регионального взаимодействия. Иногда появляются сообщения о том, что отношения Тегерана и Москвы – стратегические, но даже сотрудничество по сирийскому вопросу все-таки осталось тактическим. Страны используют различные инструменты для достижения своих целей, что порой служит причиной разногласий (например, Москва в своих интересах поддерживает сотрудничество с Израилем и Саудовской Аравией, что, естественно, негативно воспринимается в Тегеране).

Возможность образования регионального союза

Неореалисты рассматривают баланс сил как один из основных способов обеспечения стабильности международной системы. В подходе России и Ирана акцент также делается на сохранении баланса в международной системе и противодействии однополярному мироустройству. Военное вмешательство в сирийский конфликт и сотрудничество двух стран на этом направлении также продиктованы желанием сохранить баланс сил в регионе и противодействовать таким сдвигам, которые служили бы интересам западных сил и их региональных союзников. Таким образом, с точки зрения неореализма, российско-иранский союз на данном направлении сформировался под воздействием условий, сложившихся на текущий момент в международной системе. Поэтому совместные действия Тегерана и Москвы можно трактовать в контексте противодействия гегемону международной системы (т.е. США) и обеспечения собственных интересов и безопасности [Waltz, 1979, p. 179].

Некоторые российские исследователи, указывая на важное геополитическое положение Ирана в Евразии, считают, что стабильность в Иране оказывает прямое влияние на сохранение стабильности в регионе. Они отмечают, что, если Россия при существ-

вующих вызовах со стороны международной системы и региона Ближнего Востока желает сохранить стабильность на своих южных границах, ей следует задуматься о включении Ирана в свои евразийские проекты [Бабурин, Небренчин, 2012].

Согласно теории неореализма, в силу господства недоверия в международной системе двусторонние и многосторонние консультации считаются обязательными не по всем вопросам, а только по самым важным, и основной причиной сотрудничества государств является попытка противостоять недружественным акторам или группам акторов. Так что выбор союзников в рамках такого подхода оказывается вынужденным [Waltz, 1988, p. 621]. Вынужденное сотрудничество возможно и в рамках однополярной международной системы, даже если оно складывается между государствами, имеющими в системе разный вес [Hansen, Toft, Vivel, 2009, p. 45]. Таким образом, действия одной страны или группы стран при общей оборонительной ментальности в анархической международной системе становятся причиной ответных действий другой страны или группы стран [Tang, 2009, p. 593].

Такая ситуация складывается во взаимодействии России с Ираном по поводу ближневосточных вопросов, в частности сирийского кризиса. В самом деле, самой очевидной причиной для сотрудничества по Сирии является стремление двух стран к обеспечению собственной безопасности на фоне вмешательства в конфликт внешних акторов, действующих в своих интересах и в ущерб интересам всех остальных. Реакция со стороны России и Ирана продиктована необходимостью сдерживать агрессивные действия других игроков, т.е. показать, что они способны ответить на эти действия [Waltz, 1988, p. 626]. В таких условиях Тегеран и Москва стремятся к наращиванию силового потенциала, созданию временных союзов для защиты от возникающих угроз, хотя расширение или укрепление уже существующих сфер сотрудничества представляется более эффективным.

Противодействие США развитию иранской ракетной программы, равно как их стремление к установке компонентов системы ПРО в Восточной Европе и Персидском заливе, рассматривается Тегераном исключительно как угроза. Очевидно, что противостоя-

ние подобным угрозам в одиночку как со стороны Ирана, так и со стороны России является неэффективным [Noori, 2016].

Конечно, невозможно скрыть противоречия или разнонаправленность в интересах Ирана и России. Даже в Сирии, где страны успешно сотрудничают, Иран использует помощь России для сохранения «оси сопротивления» и укрепления своих региональных позиций, в то время как Россия путем вмешательства в сирийский конфликт расширяет поле для торга с Западом по другим вопросам и, в свою очередь, укрепляет собственные позиции в регионе [Hosseinzadeh, Sveshnikova, 2016]. При этом сотрудничество оказалось успешным, так как Москву и Тегеран объединяет стремление противодействовать вмешательству нерегиональных игроков в дела Ближнего Востока, поскольку это противоречит их интересам. Но если бы это сотрудничество осуществлялось за счет институционализации двусторонних отношений и за счет обоюдного участия в уже существующих региональных организациях, например ШОС или Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), только тогда можно было бы говорить о перспективах создания определенного паттерна российско-иранских отношений и их стабильном характере.

Поддержка Россией принятия Ирана в полноправные члены ШОС, а также приглашение к сотрудничеству в рамках евразийского проекта других заинтересованных стран, в том числе Ирана [Пленарное заседание., 2016], является позитивным шагом в данном направлении. Однако в первую очередь необходим консенсус между политическими элитами обеих стран по поводу того, как и зачем развивать двустороннее сотрудничество и какие у него перспективы.

По мнению авторов данной статьи, сотрудничество России и Ирана в рамках определенных институтов не только полезно, но и необходимо как для противодействия обычным угрозам, так и для адекватного ответа на все возрастающие асимметричные угрозы, например распространение терроризма. Конечно, сотрудничество в новых, более стабильных институциональных рамках поначалу все равно будет вестись *ad hoc* и стороны будут сохранять другие возможности и инструменты разрешения своих проблем и обеспе-

чения интересов (например, взаимодействие с Западом, когда это необходимо). Некоторые разногласия сторон в региональных и международных делах и реалистический подход к созданию коалиций с нерегionalными силами будут определять ограниченный характер взаимодействия. При этом, несмотря на то что взаимодействие Тегерана и Москвы могло бы быть более тесным, нежели сотрудничество на тактическом уровне, и развиваться в сторону более согласованной политики, двусторонние отношения будут все же выстраиваться в реалистическом ключе, а не в духе либерального представления о международной системе.

Заключение

Взаимодействие Ирана и России в постсоветский период, с одной стороны, определялось вопросами безопасности и геополитики, а с другой – было излишне политизировано из-за негативного влияния «переменной Запада», поэтому два государства не смогли выстроить необходимые элементы стратегического союза. Системные вызовы на Ближнем Востоке, недовольство Ирана реализацией СВПД и рост напряженности в отношениях России с Западом стали причиной более тесного сотрудничества, что, в частности, проявилось в более согласованном взаимодействии в Сирии. Прагматический подход позволил странам образовать временный союз, основной целью которого стало эффективное противостояние общим угрозам и противодействие изменению регионального баланса сил в пользу внерегиональных игроков и их региональных союзников.

Несмотря на существующие противоречия между Тегераном и Москвой на двустороннем, региональном и международном уровнях, имеются также существенные преимущества более глубокого взаимодействия, а постоянство существующих вызовов предопределяет эффективность перехода от взаимодействия *ad hoc* к полноценному стратегическому союзу при полном сохранении суверенитета. Необходимыми для установления такого порядка являются реалистичный подход к существующим разногласиям и взаимодействию в сферах соприкосновения интересов двух стран, а также совместные шаги по укреплению отношений, заключающие-

ся в их институционализации путем взаимодействия в региональных организациях (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, проект организации по сотрудничеству на Каспии). Однако судьба этих отношений будет в конечном итоге зависеть от того, к какому консенсусу об их природе и необходимости развития придут политические элиты двух стран.

Список литературы

Аветисян Ж.Г. Основные направления российской внешней политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2010–2014 гг. // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – № 17. – С. 114–117.

Амальгерай-йе рахборди дар равабете джомхури-йе эслами-йе иран ва русие = Стратегический прагматизм в отношениях Исламской Республики Иран и России [Перс. яз.] / Мотаги И., Пустинчи З., Моджаради С., Хеят-Могодам А. // Стратегия обороны: Журнал. – Тегеран, 2016. – № 12 (46). – С. 117–147.

Бабурин С.Н., Небренчин С.М. Иран в евразийской политике России // Центр стратегических оценок и прогнозов. – М., 2012. – 05.05. – Режим доступа: <http://www.csef.ru/studies/politics/projects/iran/articles/3107/> (Дата обращения – 22.07.2017).

Дельджуи-йе рухани аз русие пас аз наомиди аз гарб = Разочаровавшись в Западе, обратиться к России в поисках успокоения [Перс. яз.] // Студент: Новостное агентство. – Тегеран, 2014. – 05.10. – Режим доступа: <http://www.snn.ir/textversion/detail/news/360628/1579> (Дата обращения – 22.07.2017).

Иванов И.С. Возвращение Ирана // Российская газета. – М., 2014. – 16.07. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/07/16/iran.html> (Дата обращения – 22.07.2017).

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Возможности для стратегических отношений России и Саудовской Аравии: Аналитическая записка // РСМД. – М., 2016. – № 6. – 10 с. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-SaudiArabia-policy-brief-6-ru.pdf> (Дата обращения – 22.07.2017).

Лукьянов Ф. Нужен ли альянс? // Российская газета. – М., 2016. – 23.08. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/08/23/fedor-lukianov-vzaimo-dejstvie-s-iranom-po-sirii-neobhodimo.html> (Дата обращения – 22.07.2017).

Муртазаева Г.Р. Российско-иранское военно-техническое сотрудничество в XXI веке // Исторические, философские, политические и юриди-

ческие науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 2(40), ч. 2. – С. 133–137.

Нури А. Барреси-йе эмкан-е хамкари-йе стратегик бейне иран ва русие = Исследование возможности стратегического партнерства между Ираном и Россией [Перс. яз.] // Перспективы иранско-российских отношений: Сборник статей / Под ред. Х. Асгариана. – Тегеран, 2016. – С. 33–60.

Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – М., 2016. – 17.06. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (Дата обращения – 22.07.2017).

Путин В.В. Интервью Азербайджанскому государственному информационному агентству «АзерТАдж» // Президент России. – М., 2016. – 05.08. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52650> (Дата обращения – 22.07.2017).

Русие бе донбале тагир-е мовазане дар сурие = Россия стремится изменить баланс в Сирии [Перс. яз.] // Иранская дипломатия: Аналитический портал. – Тегеран, 2015. – 28.09. – Режим доступа: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/page/1951907/درد+وزن+اوم+ری+ی+غت+لاب+د+ب+ه+س+ور>.ht ml (Дата обращения – 22.07.2017).

Рухани гераеши зияди бе гарб дарад; гарардад-е «эйрбас» заифтарин сиясат-е эгтесадии-йе доулат буд; аглаб-е гарардадха-йе доулат «тахмили» басте мишаванд = Рухани ориентируется на Запад; договор с «Эйрбас» – слабая мера в рамках экономической политики правительства; большинство договоров заключается правительством под давлением [Перс. яз.] // Фарс: Новостное агентство. – Тегеран, 2016. – 14.05. – Режим доступа: <http://www.farsnews.com/13950225000212> (Дата обращения – 22.07.2017).

Тарх-е хавар мияне-йе бозорг чист? = В чем заключается план по созданию «Большого Ближнего Востока»? [Перс. яз.] // Сахеб ньюз: Информационный портал. – Тегеран, 2015. – 04.03. – Режим доступа: <http://sahebnews.ir/191502/تست+ي+چ+گ+ر+ز+ب+ه+ن+ای+م+و+ا+خ+ح+ر+ط>.htm (Дата обращения – 22.07.2017).

Христова К. Путин: США пытались обмануть весь мир ядерной угрозой Ирана // Комсомольская правда. – М., 2015. – 22.10. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/2200002/> (Дата обращения – 22.07.2017).

Чера ба амрика рабете дарим вали ба русие на? = Почему у нас есть отношения с Америкой, а с Россией нет? [Перс. яз.] // Алеф: Аналитический портал. – Тегеран, 2016. – 10.09. – Режим доступа: <http://alef.ir/vdchvwnx-23nwx.d.tft2.html?390396> (Дата обращения – 22.07.2017).

Hansen B., Toft P., Wivel A. Security strategies and American world order: Lost power. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2009. – 186 p.

Hosseinzadeh V., Sveshnikova Yu. The future of Russian-Iranian cooperation in Syria // Russia Direct. – Moscow, 2016. – 29.08. – Mode of access: <http://www.russia-direct.org/opinion/future-russian-iranian-cooperation-syria> (Дата обращения – 22.07.2017).

Noori A. Tactical changes in Russia's foreign policy and Iran's caution // Iran review. – Tehran, 2016. – 06.07. – Mode of access: <http://www.iranreview.org/content/Documents/Tactical-Changes-in-Russia-s-Foreign-Policy-and-Iran-s-Caution.htm> (Дата обращения – 22.07.2017).

Solomon J. Trump administration looks at driving wedge between Russia and Iran // The Wall Street j. – N.Y., 2017. – 05.02. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/trump-administration-looks-at-driving-wedge-between-russia-and-iran-1486342035> (Дата обращения – 22.07.2017).

Tang Sh. The security dilemma: A conceptual analysis // Security studies. – L., 2009. – Vol. 18, Issue 3. – P. 587–623.

Waltz K.N. Theory of international politics. – N.Y.: Random House, 1979. – 251 p.

Waltz K.N. The origins of war in neorealist theory // J. of interdisciplinary history. – Cambridge, MA, 1988. – Vol. 18, Issue 4. – P. 615–628.

Wieclawski J. Contemporary realism and the foreign policy of the Russian Federation // International j. of business and social science. – Izmir, 2011. – Vol. 2, Issue 1. – P. 170–179.